

ПОКА
ТЫ ПЫТАЛСЯ
СТАТЬ БОГОМ...

И.Ю. МЛОДИК

МУЧИТЕЛЬНЫЙ
ПУТЬ
НАРЦИССА

И.Ю. Млодик

**ПОКА
ТЫ ПЫТАЛСЯ
СТАТЬ БОГОМ...**

**...MOWOЛ
ПРІ ПРІВАНСЯ
ПОКА**

**МУЧИТЕЛЬНЫЙ
ПУТЬ
НАРЦИССА**

6-е издание
(электронное)

Москва
2016

УДК 821.161.1.-31
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-44
М727

Млодик, И. Ю.

М727 Пока ты пытался стать богом, или Мучительный путь нарцисса [Электронный ресурс] / И. Ю. Млодик. — 6-е изд. (эл.). — Электрон. текстовые дан. (1 файл pdf : 225 с.). — М. : Генезис, 2016. — Систем. требования: Adobe Reader XI либо Adobe Digital Editions 4.5 ; экран 10".

ISBN 978-5-98563-387-0

Книга включает в себя роман и психологическую статью. И роман, и статья — о людях с нарциссическими нарушениями. Обычно нарциссом принято называть самовлюбленного, эгоистичного человека — почти все помнят миф о Нарциссе, погибшем от любви к себе. В психологии же речь идет о нарциссическом характере, который лишь отдаленно напоминает бытовое представление.

Автор предлагает взглянуть на жизнь нарциссов с двух сторон: с точки зрения людей, рядом с ними живущих, и с точки зрения психотерапевта, с ними работающего.

Для психологов, психотерапевтов и широкого круга читателей.

УДК 821.161.1.-31
ББК 84(2 Рос=Рус) 6-44

Деривативное электронное издание на основе печатного издания: Пока ты пытался стать богом, или Мучительный путь нарцисса / И. Ю. Млодик. — М. : Генезис, 2015. — 224 с. — ISBN 978-5-98563-370-2.

В соответствии со ст. 1299 и 1301 ГК РФ при устранении ограничений, установленных техническими средствами защиты авторских прав, правообладатель вправе требовать от нарушителя возмещения убытков или выплаты компенсации

ISBN 978-5-98563-387-0

© Издательство «Генезис», 2009, 2016

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга не характерна для нашего издательства, однако мы приняли решение опубликовать ее, и вот почему.

Проблема нарциссизма — личностного расстройства, которое существенно осложняет жизнь как самому человеку, так и его близким, — сегодня как никогда актуальна. Количество нарциссов непрерывно растет. И это уже само по себе делает книгу своевременной.

Жанр, предлагаемый автором, как нельзя лучше подходит для того, чтобы читатель смог понять, прочувствовать суть нарциссических расстройств. Книга включает в себя художественное произведение, описывающее проявления нарциссизма в повседневной жизни, и статью, в которой дается анализ симптомов и психологической сущности нарциссизма, а также намечены условия психотерапевтической работы с такими клиентами.

С одной стороны, становится видна и ощутима феноменология, «живая ткань», повседневные проявления нарциссизма и та «питательная среда», которая дает ему возможность укорениться в человеке. Наверняка герои, представленные на страницах этой книги, до боли знакомы многим из нас. С другой стороны, эмоциональное погружение, «затронутость», возникающие в процессе чтения помогают понять и прочувствовать, о чем именно идет речь в статье, где приводится анализ симптомов, характерных для нарциссов. Таким образом, у читателя складывается живая и полнокровная, но в то же время структурированная картина нарушений, наблюдаемых при нарциссизме. А, главное, читателю-неспециалисту открывается возможность осознать, что привычную картину поведения близких можно изменить, обратившись за помощью к психотерапевту.

Родители, возможно, сумеют осознать, сколь пагубно для личностного развития ребенка постоянное сравнивание его с другими, унижение, ожидание от него блестящих результатов, часто продиктованное самыми благими намерениями. Ведь как часто мамы, которые говорят своим детям: «Ты должен быть лучшим! Посмотри на Ваню (Маню)!\», считают, что таким образом они создают стимул к развитию ребенка. А потом, когда он становится взрослым, недоумевают: почему он не может самостоятельно принимать решения, почему обозлен на весь мир и несчастен? Они начинают искать виновников в окружении взрослого ребенка, не осознавая, что во многом это дело их собственных рук. Как часто жены (реже мужья), выкладывающиеся ради своей нарциссической «второй половины», ощущают бессилие и беспомощность, не в силах насытить неутоляемую жажду признания, становясь средством преодоления глубочайших проблем нарциссов.

Читателям-специалистам (психологам и психотерапевтам) не менее важна целостная картина нарциссизма — соединение жизненных проявлений, феноменологии с научным анализом.

Так пусть же эта книга послужит предостережением родителям, удовлетворяющим за счет ребенка свое честолюбие, поводом к размышлению для тех, кто живет рядом с нарциссами, и помощником для специалистов.

Главный редактор издательства
Ольга Сафуанова

Дока ты пытался
стать богом...

Музительный путь нарцисса

Музительный путь нарцисса

стать богом...

Дока ты пытался

Дорогие читатели!

Перед вами необычный проект. Это художественное пособие по нарциссизму — роман и психологическая статья в одной книге. И роман, и статья — о людях с нарциссическими нарушениями. Предлагаю вам взглянуть на жизнь нарциссов с двух точек зрения: людей, рядом с ними живущих, и психотерапевта, с ними работающего.

Нарциссов много, есть они и в вашем окружении. А эта книга — шанс узнать о них больше.

Ирина Млодик

*Мои самые теплые благодарности:
моим родителям за поддержку;
сестре Марине за интерес, участие и гостеприимство;
Асе Каменской — за профессиональную помощь,
интересные идеи и понимание;
издательству «Генезис» за всегда теплое участие,
высокопрофессиональное сотрудничество и
способность идти на риск.*

«Ты что, не знаешь? Все книги уже написаны!» — сказал он мне однажды давным-давно. И, действительно, о чем еще можно написать? О любви и войне, людях и мышах, победах и поражениях, невероятных приключениях, загадках и тайнах — все уже давно написано чередой гениальных писателей, а также еще большим количеством писателей попроще и несметной толпой тех, кому лучше бы навсегда оставаться лишь читателями. «Все книги уже написаны» — звучит как приговор.

И я соглашаюсь. Когда тебе уже за сорок, то, прочитав немало умных и поистине талантливых книг, начинаешь понимать: никого удивить уже невозможно. Ничем. Во всяком случае, мне. Но хочется же! Если не удивить, то хотя бы так, поведать... Самовыразиться, так сказать. Явить себя миру.

Если бы я сказала это ему, то он слегка закатил бы карие глаза: «Боже, кому интересно твое самовыражение!» Хотя это именно то, о чем он сам всегда мечтал: выразить себя так, чтобы весь мир понял, насколько он гениален, чтобы все вокруг пришло в движение, а потом застыло в немом восторге. И тогда... а вот картинка того, что было бы дальше, никак не рисуется, точнее, распадается на части.

Вот он признан, что дальше? Много денег. Это приятно. А дальше? Популярен. Поначалу здорово... затем утомительно. Дальше какая-то пустота... А потом его начинают забывать. Потому что, оказывается, их надо было удивлять снова! Это значит, что ему нужно опять как-то по-особенному проявить себя! Обязательно по-новому, свежо — иначе не интересно. Иначе ведь скажут: «Это уже было, затерто до дыр, ты вторичен, парень, и неважно, что по отношению к самому себе. Ты вышел в тираж», — и отвернутся. Они отвернутся от того, кто их так удивил! Они же ловили каждое его слово и подобострастно признавали его гениальность! Он был уверен, что теперь будет гением всегда. И что?

А вот и не надо было начинать. Поэтому он и не самовыражается. Потому что бессмысленно, — поняла? Да поняла. Чего уж не понять?! Я — дура, а ты всех обманул.

С ним я почти всегда чувствовала себя недостаточно... умной, красивой, уместной, обаятельной, профессиональной — в зависимости от обстоятельств. Как ему это удавалось? Легко. Едва уловимый след страдания на его лице появлялся каждый раз, когда происходило что-то далекое от совершенства. А поскольку совершенство случалось, прямо скажем, весьма редко, то страдание было почти естественным его состоянием, и я не могла его не чувствовать, находясь рядом с ним. И, к сожалению, не могла не примерять к себе. Меня, отдельную от него, мое несовершенство совсем не тяготило. Наоборот, когда ты можешь позволить себе быть любой: наивной дурочкой, безмятежной раздолбайкой, веселой хулиганкой, зажигательной стервой, — как-то интереснее живется. С ним я почему-то начинала стыдиться

своего несовершенства и становилась какой-то урезанной, угловатой и неловкой, как любой человек, которому стыдно.

Наше «столетнее» знакомство ничего не меняло в этом раскладе. Он страдал, а я попадала под это страдание, как мирный житель под бомбежку: внезапно, несправедливо, с потерями и ранениями. За столько лет я так и не смогла привыкнуть к выражению брезгливого страдания на его лице и не соотносить эту гримасу с собственной персоной.

Справедливости ради надо отметить, что он был весьма хорош собой, умен, обаятелен. Многие женщины сходили по нему с ума. К счастью, только в переносном смысле, иначе койко-мест в психиатрических больницах для них не хватило бы. К тому же это очень испортило бы статистику. Россия — впереди планеты всей по сумасшедшим женщинам!.. Короче, он был хорош. Наш Роман, не пишущий романов, с которым у меня (слава Богу!) не было романа.

Мы познакомились, когда он еще был журналистом весьма модной на тот момент московской газеты, со временем «пожелтевшей». В периоды маниакальности он был искрометен, неутомим, сверхактивен и неподражаемо остроумен. Он искрился идеями, светился обаянием, мог бы вести за собой целые города в какой-нибудь опасный, но героический поход (по крайней мере, его женскую часть). В это время он чувствовал себя совершенством, почти божеством. Ему все удавалось, стоило только захотеть. Вся эта феерия могла продолжаться минуты, дни и даже месяцы, но прерывалась всегда одинаково: внезапной ошибкой, просчетом, чьей-то мимолетной критикой или недовольством. И он мгновенно

но сдувался: глаза тускнели, свечение, а вслед за ним и харизма, исчезали напрочь — наш Роман стремительно пикировал в депрессию.

В такие периоды он был совершенно невыносим как для нас, так и для себя самого: все журналюги — бездари, босс — урод, женщины — безнадежно глупы, жизнь — бессмысленна. Если он и открывал рот, то только для того, чтобы пожаловаться на то, что все болит. Или простонать, что в этой стране, превратившейся в огромный живот Гаргантюа, поглощающий все без разбора, по-настоящему умный и интеллигентный человек никогда не будет по достоинству оценен! Никогда! В стране, смеющейся над Петросяном, жующей фастфуд, читающей любовные романы, ловить нечего. Нечего! Поняла? Да поняла, чего уж. Все — дебилы, а ты — гений, непризнанный, всеми покинутый и вечно страдающий.

В депрессии он практически не мог работать, потому что все, что выходило из-под его пера, было «чудовищным» по его заоблачным критериям. Хотя на самом деле — просто кисло, просто «так себе», как и девяносто процентов статей в его газете. Но он считал невозможным, чтобы сие безобразие увидело свет, чем ввергал жену Валю в состояние, близкое к панике: Роман был финансовой надеждой и опорой семьи. С его пренебрежительным неучастием во всех остальных семейных делах Валюшка давно смирилась: подняла двух совершенно чудесных девчонок, вела хозяйство, кормила нашего гения отменными обедами и ужинами, а еще умудрялась работать учителем литературы в обычной московской школе. Она обладала необычайной добротой и терпением, какими может обладать только по-настоящему любящая русская женщина. И он любил ее, полагаю. Во

всяком случае, мне всегда в это хотелось верить. Иначе как несправедливо был бы устроен мир...

Я ее тоже любила. С ней всегда было хорошо. Улыбка, уют, вкусный запах из кухни, предвещающий любовно приготовленный ужин. Ей удавалось невероятное: хлопотать у плиты, при этом улыбаться и внимательно слушать. Даже ее спина казалась участливой, страдающей и внимающей.

Ей можно было рассказать все: про то, как я в детском саду спрятала описанные колготки за батарею, а маме сказала, что потеряла. Как впервые напилась в студенческом общежитии. Как таскала у отца мелочь, как стянула в магазине жвачку, и много чего еще... И ни разу, ни на секунду не почувствовать себя плохой. В ее сочувствующих и одновременно сияющих глазах было: «ну надо же, как, оказывается, бывает!» или «бедная моя, как же тебе досталось». С ней я всегда чувствовала себя хорошей, не то что с ее любимым Романчиком, особенно в периоды его острой меланхолии.

— Почему бы тебе не написать что-то стоящее: эссе, очерк, повесть, роман, в конце концов? — уставая от его разъедающей все вокруг депрессии и собственного заnudства, в сотый раз безнадежно вопрошала я в тщетной надежде добавить хоть немного света и конструктива во мрак его беспробудной тоски.

— О чем? Кому это надо? Ты что, не понимаешь, что этому быдлу ничего не нужно? Они мечтают только об одном: вернувшись с завода, упереться своими тупыми рожами в телик, им даже в телепрограмму заглянуть лень, они будут лучше кнопки на пульте давить!

— Да ладно тебе, не все же такие, есть и нормальные люди — те, кто хорошие книги читает...

— Ну кто? Ты давно видела таких?

— Ну я, например, Валюшка... Мы с большим удовольствием прочитали бы твой роман или повесть, или еще что, неважно... — запнулась я под его излюбленным страдальческим взглядом: «Прекрати говорить глупости!»

«Кто я? Мне уже сорок, а я все еще не знаю, кто я. Точнее мне уже за сорок... Это невысказано! Когда моим родителям было столько, сколько мне сейчас, казалось, что они доживают свои последние годы, что сорокалетний — это не взрослый, а пожилой человек. Я — пожилой человек? Невысказано! Я этого совсем не чувствую...»

Мне максимум двадцать, я полон сил, у меня все впереди, и вообще — я еще даже не начал жить! Я все еще боюсь, что меня кто-то отругает или будет недоволен тем, что я делаю, как живу. Я все еще стараюсь, стараюсь для кого-то. Как в детстве. Получаешь неожиданную пятерку — и жизнь сразу налаживается. Ты уверен, что любим, и чувствуешь себя хорошим, и очевидно, что сможешь все! Так и живешь в безмятежности и упоении жизнью... до очередного прокола.

Одна маленькая неудача, двойка, родительский окрик, недовольство начальника — и все проваливается, становишься жалким, маленьким, ничтожным. Такого тебя никто не любит. Такого можно не бросить только из жалости или из ожидания, что это никудышное создание может исправиться и реабилитировать себя. Именно в этот самый момент все силы уходят, и появляется только одно желание: спать и не просыпаться.

Ощущение собственного ничтожества — невыносимо, оно разъедает остатки самоуважения, стирает крупинцы смысла, грозит мне великим Отвержением, и тогда хочется самому отвергнуть всех на свете, вообще весь этот мир, отказаться от него, выбросить в форточку и задернуть шторы. Остаться в темноте и тишине, услышать стук собственного сердца и понять, что жив. Жив без них всех. Понять, что сердцу не важно — плохой я или хороший, оно продолжает биться, оно меня не предает, я для него всегда есть.

Но отречься от всего невозможно, потому что мир призывает меня к себе: нужно ходить на работу, спускаться в метро, нужно изображать из себя отца и мужа. И тогда мне ничего не остается: я начинаю ненавидеть мир, от которого не могу закрыться. Мне остается только выплюнуть его через свою ненависть. Это хоть как-то помогает жить. Возможно, потому, что появляется иллюзия: разрушив этот чудовищный мир силой своего отвращения, я смогу потом отстроить новый — по своим правилам и законам. Справедливый и праведный мир, которым буду управлять я!..»

Ну почему мне всегда хотелось хоть на чуть-чуть продвинуть его к свету, особенно в такие моменты, когда его депрессия-ночь была мрачна, душна, сродни бессоннице на теплых и мятых простынях? Мне что, больше всех нужно?! Я что, ему мама родная?! Как же быстро и неумолимо разрастался во мне мой внутренний «спасатель», эдакая мать Тереза — настоятельница приюта для сирот и убогих. Она, говорят, не могла заснуть, пока последний убогий не накормлен, нуждающийся не об-

лагодетельствован, а сирота, потерявший состояние и родителей в придачу, не утешен и не смотрит в будущее с надеждой. Мне тяжело приходилось в Ромашкины депрессии: такой несостоятельной и беспомощной я не ощущала себя больше ни с кем. Бог мой, как моя Тереза старалась осенить этот высокий и мрачный лоб лучом света и надежды. Все напрасно.

Даже Валюшкино тепло, в сотни тепловатт мощнее моего, не способно было растопить сердце этого безнадежно замерзшего Кая, желавшего, чтобы слово «вечность» сложилось само по себе. Ух, если бы я знала эту Снежную королеву, которая так обошлась с нашим талантливым Каем, я бы... Ничего б не смогла поделать. Более того, я знала эту Королеву — Ромашкину мать.

Женщина-власть (не случайно слово «власть» женского рода), женщина-карьеристка, женщина-полицай (тут промашка с женским родом). Хотя нет, как раз по-настоящему женского в ней было совсем мало, разве что: тщательно уложенная прическа, безупречный костюм, холеные руки, неимоверно дорогая обувь и всегда подобранная ей в тон сумка. Если Ромкино презрение было скрашено его личным страданием, то ее надменность и презрение убивали даже сквозь вполне интеллигентные манеры и натянуто-вежливую улыбку, демонстрирующую лишь безупречную работу самого модного и дорогого в Москве дантиста. Если в присутствии Ромки я всего лишь чувствовала себя «недостаточно...», то Снежная королева окунала меня в состояние полной и окончательной ничтожности, как маленького котенка в его первую лужу на полу.

В ее присутствии как-то само собой напрашивался единственный выход: перестать существовать. Заме-

реть, прикинуться неживой природой: например, камнем каким-нибудь. Неживое она не сканировала своим замораживающим, идеально подведенным глазом, не оценивала, не уничтожала. Тогда определенно можно было выжить. Я умела прикидываться камнем, а Роман и Валюшка — нет. Что происходило с ними в присутствии Королевы, сложно даже описать. Сердце моей Терезы каждый раз обливалось литрами спасательской крови, наблюдая за этим очередным актом семейной постановки под названием «Явление королевы-матери к единственному наследному принцу, до сих пор не оправдавшему ее ожиданий».

Валюшку она сначала считала недоразумением, случившимся с ее сыночком, по недосмотру впавшему в студенческий отрыв и проявившему непонятное ее холодному и рациональному уму непослушание, позволившему втайне (!) от любящей матери жениться на этой крестьянке-проходимке. Произнеся несколько вполне убедительных и уничтожающих спичей по этому поводу «не ведающему, что творит» сыну, она была убеждена, что недоразумение в виде уже беременной Валюшки быстро рассеется, как короткий кошмар, приснившийся под утро. Но Валюшка не рассеялась и потому вскоре Королева назначила ее «неживой природой», которую она обычно не достаивает даже взглядом, не то что словом.

Все семнадцать лет добрейшая на Земле женщина пыталась угодить этому Айсбергу. Но Айсберг даже не притрагивался ни к ароматному ужину, ни к чаю, ни к знаменитому Валюшкиному пирогу, который с удовольствием поглощали даже те, кто никогда не ел с аппетитом. От Валюшкиного взгляда успокаивался впадавший в неуправляемую истерику ребенок, самый

агрессивный подросток переставал ерепениться, самый грубый мужик в вагоне метро переставал материться и смущался, как курсистка. Но на госпожу Айсберг ничто не могло подействовать.

Думаю, что Королева намеренно старалась не смотреть на свою невестку, дабы избежать этих чар и не потечь талой водичкой от умиления и радости за то, что ее наследнику досталось такое чудо. А ведь если б не Валюшка, Ромчик и не выжил бы почти наверняка: или спился, или не вышел бы из какого-нибудь особо стремительного депрессивного пике.

Хотя Королева считала совершенно иначе: талант ее сына не раскрылся в полной мере и не явил миру нового финансового гения именно по причине ранней женитьбы и его собственной мягкотелости, унаследованной от неразумного отца.

«Твой отец» — только так она называла человека, который когда-то оказался рядом в момент сокрушительного обвала ее комсомольской карьеры. Именно он отважился подойти к леди, чье присутствие делало всех без исключения маленькими, ничемными и бесполезными. В тот день в ее глазах появились растерянность и страх, сделавшие ее просто маленькой, словно провинившейся и потерянной девочкой, сидящей на партийном кожаном диване. Как раз тогда он и положил свою теплую руку поверх ее наманикюренной бледной кисти, а потом сказал то, что обычно говорят мужчины в таких случаях:

— Пойдемте, я накормлю вас ужином. Я неплохо готовлю.

И он привел ее, поверженную, в свой дом. Кормил ее действительно вкусно приготовленной едой. Слушал ее возмущенную речь про то, как с ней несправедливо

обошлись. «Они еще не знают, с кем связались... Они еще узнают... И ведь кто??? Ну кто бы мог подумать?» — и так далее, в течение четырех с половиной часов. Он все время восхищенно смотрел ей в глаза, три раза разогревал ужин, подливал вина. Когда она в очередном приступе бессильной ярости окропила свою белоснежную щечку горькой от обиды и злости слезой, он обнял ее и не отпускал потом всю ночь.

Она бросила его через пару месяцев, когда поняла, что беременна. Толстая и добродушная врач-гинеколог, снимая перчатки и мечтательно улыбаясь, сообщила:

— У вас будет ребенок, наверняка мальчик, дорогая, и прехорошенький!

— Ребенок сейчас совершенно не входит в мои планы. Мне нужно направление на аборт, и поторопитесь, пожалуйста, я опаздываю на важное совещание.

— Дорогая моя, с вашими данными аборт исключает для вас возможность беременности в дальнейшем. Поэтому справку от меня вы не получите, тем более что беременность у вас развивается отлично, — безапелляционно заявила посуровевшая врач-гинеколог, с которой миг слетело все добродушие и простоватость.

Это был лучший в городе врач. Лучший! И Королеве пришлось уступить компетентному мнению. «Лучшие» были для нее в непререкаемом авторитете, к тому же она уже тогда понимала, что ей необходим наследник, и потому появление на свет нашего гения Ромашки было предопределено.

Его отец поплатился за неумную радость, которую проявил, узнав о ребенке. Хотя они бы и так расстались с вероятностью двести процентов, настолько разными были: «лед и пламень», нет, «лед и печка». «Пламенем»

Ромкин отец, конечно же, не был. А вот печкой — да. Теплый, живой, гостеприимный, мягкий, все понимающий. Ни дать ни взять — русская печка.

Понятно, что Королеве, быстро мобилизовавшейся и пришедшей в себя после головокружительных крушений, таять не хотелось. Более того — она считала это опасным, поскольку тепло расслабляет, приводит к потере хватки, жесткости, бдительности. А доверять никому нельзя, про это она знала всегда. И очередной урок, преподнесенный ей судьбой, она теперь хорошо выучила и готова была пересдать его на пять. Тем более что получать двойки она с детства не привыкла, так как в свое время была нещадно бита собственной матерью даже за случайные четверки, которые к пятому классу совсем исчезли из ее дневника.

Королева-мать не часто посещала теплый и уютный дом сына. Какое-то время она вообще предпочитала встречаться с Романом только в ресторанах, где один ужин стоил как пять Валюшкиных зарплат, и Ромашка давился деликатесами, со злостью думая: «Лучше бы деньгами дала». Но деньги давать ему она даже не думала. Никогда. Даже когда внучки болели и нужны были дорогие лекарства. Лекарства в итоге Снежная наша, конечно, доставала, но денег — ни копейки. Зато могла ни с того ни с сего купить ему дорогой костюм или фирменное пальто. Но что такое дорогой костюм или пальто вкупе с дешевыми рубашками, плохими туфлями и выдавшей виды сумкой? Несуразность, гротеск. Хотя Роману так нравились ощущения от этих замечательных вещей. Ткани ласкали тело, формы и линии были безупречны — все это совершенство было так привлекательно, но невозможно... потому что рубашка, туфли, сумка...

Ресторан, костюмы, машины с водителями, которые отвозили его в Бутово, буквально паря над грязным московским шоссе, — это было частью королевского плана. В ее маленьких ухоженных ручках хранилась власть над недрами какого-то то ли банка, то ли холдинга. Она обладала огромным миром. И ей нравилось обладать. Воистину Королева — ни больше ни меньше. Только одно, видимо, ускользала из ее пальчиков: она не распорядилась контрольным пакетом власти над судьбой своего дорогого наследника. В свое время ею был допущен досадный недочет, за который она теперь расплачивалась.

Маленький Ромашка часто болел в экологически неблагоприятной атмосфере промышленного городка средней полосы, где в это время Снежная упорно и расчетливо, как заправский альпинист, карабкалась на партийные вершины. И потому она, хоть и с небольшой охотой, все же регулярно отправляла его к самой что ни на есть крестьянке в деревню с охотничьим названием «Лисьи норы» — к матери Ромкиного отца.

Баба Маша для Ромчика была сущим ангелом. Ему как-то в детстве попала картинка, на которой были изображены пухлые младенцы с крыльями.

— Почему у них крылья? — спросил Ромка двоюродного брата Кольку, всегда составляющего ему компанию во всех детских проделках.

— Потому что они ангелы. Ты что, про ангелов никогда не слышал?

— Разве ж они такие? Ангелы должны быть старые, как баба Маша, — с недоверием уставился Ромка на братца, и недоверие имело под собой веское основа-

ние: Колька весьма часто, с очень убедительным видом, упоенно привирал.

Ангелы не могли быть похожими на этих противно-пухлых младенцев с такими лицами, будто перед ними целая комната сладкой ваты, и от этого они немного смущены. Ангелы — они же мудрые, они же спасают людей от неверного шага, они — хранители. Это слово Ромчику особенно нравилось. Ангел-хранитель. Он тебя охраняет и еще знает, наверное, что-то очень важное, какой-то секрет. Его ангелом-хранителем, без сомнения, была баба Маша, только она ему казалась достойной этой великой миссии — оберегать его, Ромку, и быть хранительницей великих тайн. А младенцы пусть состоят на службе у Кольки, ему, балбесу, ведь все равно.

Итак, хранительница тайн, вечно хлопочущая баба Маша и вправду любила Ромчика как-то по-особенному, никогда не путая его с другими своими внуками, которых она, принимаясь звать, перебирала всех по одному: «Вовк, Сергунька, Мишк, фу ты... Коленька, надо ж в магазин сбегать, давай, милый, быстренько, обед вам поспекает, а вы хлеб уж с утра весь поперетаскали!»

Для нее он был всегда «Ромашечка» и именно его ей почему-то больше всех хотелось защитить от всего мира. Ведь он такой впечатлительный, такой умный, так много знает. А как рассказывает! Слушала бы и слушала его, пока руки дела делают. И сердце у нее всегда щемило при взгляде на него: ножки тонюсенькие, ручки, что две веточки, глазища огромные, да от отца две ямочки на таких худых щечках. А самое главное, мать его — женщина холодная, даже суровая, как зима. Холода в Лисьих норах были нередко, выстуживали дом — не протопишь. Вот и она такая. Боится ее Ромашечка, плачет

каждый раз, когда приходит пора возвращаться в город, так плачет...

И не отдать нельзя. Он ведь первый ученик там в школе. Да и попробуй запротиворечь этой матери, она в следующий раз и не привезет Ромашечку, и так грозит отправить его в пионерский лагерь. А куда ему в лагерь-то, душа не пойми в чем держится... Там никто пирогов не напечет, ножки не попарит, сказку на ночь не расскажет. В лагерь Кольку бы в самый раз, тому все нипочем, он — балагур, весельчак, хулиган, он все везде успеет, все их пионерские дела враз сделает, и аппетит у него отменный. К тому ж нигде не пропадет, всегда себе еду добудет, даже если недокомят там его. А Ромашечке летом отдыхать надо и кушать хорошо, чтобы хоть чуть-чуть мясоросло, чтобы глазки вновь заблестели, чтобы смог он пережить еще одну зиму городскую со строгой матерью, которая и без того зимы в сердце ему добавляет.

Баба Маша была великая сказительница. По вечерам ребятня устраивала себе уютные лежбища на бабулиных перинах и матрасах, заботливо расстеленных ею на полу, Хранительница тайн начинала рассказывать очередную сказку-историю, сочиняемую ею на ходу. Ни одной из них уже выросший Ромашка не нашел потом в сборниках сказок. Как только бабуля-ангел выключала свет, зажигала ночник и садилась в свое любимое кресло, скрестив свои бугристые, в прожилках руки, мир для Ромки переставал существовать. Ни вечная Колькина возня под одеялом, тело которого еще продолжало бегать, прыгать, лазать по деревьям и никак не могло смириться с ночью, ни надоедливые Сергунькины уточняющие вопросы: «А дракон чего съесть-то всех решил? Голодный был, что ли?.. Разозлился? С чего это он? Чего

злиться, если ты самый большой?» — ничто не могло отвлечь Ромашку от тех причудливых картин, которые возникали перед его мерцающими в темноте глазами.

В отличие от братьев, Ромка видел настоящее, с самыми современными спецэффектами кино. Оно настолько его завораживало, что он почти переставал дышать, отчего бабуле-ангелу частенько приходилось прерывать свою удивительную сказочную балладу и возвращать его в реальность:

— Ромашенька, ты бы укрылся, детка моя, по полу сквозит.

Ромка натягивал на себя одеяло, судорожно вздыхая, и снова весь превращался в слух, зажигая внутри себя киноэкран.

О доблести и славе, о мужестве и доброте, о настоящей любви и вероломном предательстве, о чудесных спасениях и невероятных превращениях, о верности, преодолении, спасении и награде были бабулины сказки. Любая из них, будучи экранизированной, могла бы принести баснословные барыши теперешнему Голливуду. Но пока только Ромка наслаждался этим невероятным зрелищем. Хотя «наслаждался» не совсем правильное слово. Было по-разному: его то охватывал жуткий ужас, когда казалось, что спасенья нет, то возмущение от подлого обмана, и еще он всегда влюблялся в этих прекрасных принцесс, маленьких звездочек, хорошеньких пастушек, внезапно обнищавших фей...

Уже после того как бабуля уходила, погасив свет, он продолжал видеть прекрасные картины под мерное сопенье братьев и непрекращающуюся Колькину возню, который и во сне не переставал внезапно вздрагивать ногами, словно застоявшийся жеребец, а иногда даже